

УДК 82.09

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА А. А. СЛИНЬКО

М. А. Слинко

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 10 января 2013 г.

Аннотация: в статье прослеживается трансформация эстетических и мировоззренческих позиций А. Слинко, выявляется специфика антропологического метода, который использовал педагог в своей деятельности, развивая христианскую и гуманистическую традиции русской литературы.

Ключевые слова: А. Слинко, антропология, гуманизм, история, государство, церковь, христианская традиция, философия.

Abstract: the article traces transformation of aesthetic and philosophical positions of A. Slinko. It also explores specific character of the anthropological method used by the teacher which developed Christian and humanistic tradition of Russian literature.

Key words: A. Slinko, anthropology, humanism, history, Government, Church, Christian tradition, philosophy.

А. А. Слинко (1933–2002) – известный историк русской общественной мысли, социолог, ученый, педагог. Формирование его личности и деятельности неразрывно связано с эпохой социализма, со всеми ее противоречиями, достоинствами и недостатками.

«В сложные переходные, трагические по своему содержанию, эпохи чрезвычайно нужны люди, несущие незыблемые ценностные критерии, чутко различающие ориентиры, которые отменить нельзя. В сходную, рифмующуюся с нашей эпоху 1860–1870-х годов эту важную миссию несла русская литература. Сегодня, к сожалению, литература эту роль потеряла, а салонная суэта комиссий и комитетов вокруг присуждения литературных премий – это еще не литература ... Какие премии существовали тогда, в 1860-е, когда были созданы «Война и мир», «Преступление и наказание», «Идиот», «Отцы и дети»? В нашу эпоху еще более повысилось значение конкретных людей. Вся надежда – на них. Конечно, есть мнение, что плоха та страна, которая нуждается в героях ... Однако это не отменяет реальной потребности в людях особенных, стойких, нравственно убежденных. Путь ученого показателен. Анатолий Александрович был как раз из тех, кто взял на свои плечи почти непосильную нагрузку переходного, «смутного» времени и с честью нес ее», – так оценивали деятельность А. Слинко его коллеги [1, с. 24].

Стойкая вера в справедливое общественное мироустройство на основе христианских новозаветных заповедей не была поколеблена личной семейной трагедией (потеря отца в 1937 г., детство без матери, которая долго находилась в АЛЖИРе – акмолинском лагере жен изменников родины). Ранние размышления о значении для человека общества, добра и зла, жизни и смерти постепенно определили особую устремленность А. А. Слинко в сферу социологии, философии, филологии. Сопряжение данных аспектов определило специфику деятельности педагога. Его интерес был связан особенно с эпохой второй половины XIX и XX вв., когда особенно четко были обозначены антиномичные тенденции времени, с одной стороны, вера в коллективное начало – с другой, ярко выраженный индивидуализм, не делимый от истории русской гуманистической мысли.

Желание системы превратить каждого в человека массы советского времени (безликого товарища) рождало в душе мыслящих людей протест. Выразить себя, свои чаяния, надежды, наверное, только и было возможно, да и то в определенных пределах, в сфере культуры.

Философско-социологическая доминанта интересов А. Слинко определила специфику жанра, в котором он особенно часто работал, – публицистический очерк, лекция.

В итоговой книге публициста собраны очерки и лекции последнего десятилетия XX в., проблемы,

затронутые в них, актуальны для нашего времени. Основные темы и мотивы сборника «Литература и публицистика. Очерки гуманистической мысли» намечаются в первой, ключевой статье «Наука о литературе и гуманитарные ценности современного мира. Из актов лекции». Публицист высказывает свои соображения по поводу значения литературы в жизни общества, рассуждает об истинном и ложном патриотизме, как он его понимает. Все эти размышления тесно связаны с историей европейской и особенно русской литературы. Героями очерков и лекций А. Слинько стали А. Пушкин, П. Чаадаев, А. Герцен, М. Салтыков-Щедрин, Н. Михайловский, Л. Толстой, А. Солженицын, А. Сахаров – писатели, ученые, общественные деятели, которые, невзирая на личные невзгоды, с достоинством несли звание русского интеллигента в том значении, которое было особенно дорого публицисту, часто следуя «против течения» (название одной из монографий А. Слинько) политической моды своего времени, желая быть послушными велениям совести.

В познании мира, по мысли А. Слинько, литературе принадлежит уникальное место. Публицист отталкивается от конкретного значения слова *филология*, расширяя и углубляя смысл термина. «Термин «филология» буквально означает «любовь к слову». Но греческое «логос» не только слово, но и мысль, разум, закон, и мы, – подчеркивает автор очерка, – не слишком ошибемся, если скажем, что филолог – человек, любящий слово разумное, осмысленное» [2, с. 5].

Для А. Слинько важна опора на христианскую традицию. Он заостряет внимание читателя на первом стихе Евангелия от Иоанна, где зафиксировано высокое значение слова: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Слово же, возведенное в степень искусства, по мысли публициста, заражает своей правдивостью и выразительностью, в подтверждение приводится известная фраза Кушнера, которая всегда восхищала автора книги своей точностью: «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести». Отсюда вытекает значимость филологии, науки, которая, как хочется верить А. Слинько, «предполагает не только содружество и нерасторжимое единство языкознания и литературоведения, но и глубокое постижение всех гуманитарных наук (что, кстати, являлось отличительной чертой автора исследуемой книги) – истории, философии, психологии и, как и для всех наук гуманитарного цикла, для нее остается заповедью истина, сформулированная выдающимся философом древности Протагором: «Человек есть мера всех вещей» [2, с. 6].

Ученый-педагог заявляет: «Если бы меня спросили, в чем состоит практическое значение литературы и заодно науки о литературе – литературоведения – для современного общества, я бы ответил – прежде всего в воспитании чувств, причем не только чувств, относящихся к интимному миру человека» [2, с. 7].

Из данного контекста постепенно вырастает доминирующий мотив книги – апология русской интеллигенции. Для А. Слинько всегда был важен вопрос о роли литературы и филологической культуры в воспитании народа [см.: 2, с. 9], который неразрывно связан для него с местом русской интеллигенции в этом процессе.

Слово «интеллигенция» пришло в русскую литературу через русскую литературу относительно поздно, в 70-е гг. XIX в., и оно как нельзя лучше отвечало исканиям русской общественной мысли того времени. Автору очерка важно обратить внимание читателя на этимологию слова. Оно по своему происхождению не русское. «Латинское *intelligens* означает разумный, понимающий (обратите внимание на сходство со словом филолог – любящий разум). «Интеллигент» в широком смысле – интеллектуал, человек умственного труда. В России это слово приобрело особый нравственный смысл. Интеллигенцией называли особый слой людей – выходцев из разных сословий, одухотворенных сверхличной целью, сочетающих внутреннюю свободу, духовное бесстрашие, совесть и чувство ответственности перед народом» [2, с. 9].

В трудах А. Слинько часто доминируют нравственные критерии, поэтому для его стиля творчества (и жизни) характерен высокий пафос. Ученому важно подчеркнуть, что интеллигенция – не только мозг, но и совесть нации, при этом он не связывает людей, попадающих под данную категорию образовательным цензом, конкретной специальностью, общественным положением. Ряд примеров из истории русской культуры ярко демонстрируют данное положение. Автору книги кажется, что с точки зрения русской литературы и публицистики второй половины XIX в., Лермонтов – это интеллигенция, а генерал-адъютант, шеф корпуса жандармов и начальник третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии Александр Христофорович Бенкендорф, как и другие сотрудники названного ведомства, к интеллигенции не принадлежат, хотя среди них были образованные, неглупые и даже небеталантные люди. Следующий пример взят из другого – XX столетия, но для людей порядочных столетие мало что изменило. Свидетельствует об этом воспоминание А. И. Солженицына из книги «Архи-

пелаг ГУЛАГ» (значимость которой особенно велика для публициста по причинам личным, поэтому он подчеркивает, что данную книгу Солженицына один раз в жизни должен прочитать каждый порядочный русский человек). В 1938 г. писателя, как и других его товарищей, студентов 3-го курса физико-математического факультета Ростовского университета, вербовали перейти в училище НКВД. В таком переходе для студента была бы практическая выгода: провинциальный университет не мог дать ничего, кроме сельской школы в глухом краю да скудной зарплаты; училища НКВД сулили пайки и двойную-тройную зарплату. Однако желающих оказалось немного. «Ощущаемое нами, – пишет Солженицын, – не имело слов (а если бы имело, то, по опасению, не могло быть друг другу названо). Спротивлялась какая-то вовсе не головная, а грудная область. Тебе могут со всех сторон кричать: «надо!» и голова твоя собственная тоже «надо!», а грудь отталкивается: не хочу, воротит. Без меня как знаете, а я не участвую» [3, с. 119–120]. Солженицын опирается на традицию, идущую от Лермонтова, от тех десятилетий русской жизни, когда для порядочного человека не было службы хуже и гаже жандармской [см.: 2, с. 10]. Такой взгляд был характерен и для Толстого, религиозно-философские искания которого во многом близки А. Слинько.

Публицист разделяет убеждение Г. Успенского, который отмечал, что в русской народной массе всегда был интеллигентный человек. Подлинная интеллигентность, по мнению А. Слинько, «предполагает готовность отстаивать свои взгляды не только из корыстных прагматических побуждений, но и тогда, когда нет прямой выгоды и надежды на успех, даже если они расходятся со взглядами большинства, умение плыть не только по течению, но и против течения, не поддаваться конъюнктурным соображениям...» [2, с. 14]. В связи с этим вспоминается философ, писатель-богослов воронежский епископ Тихон Задонский, деятельность которого – «прекрасный образец человечности» (очерк Г. Успенского «Власть земли»). Он стоял во главе богатой епархии, приносившей большие доходы, но когда умирал, у него оставалось четырнадцать рублей ассигнациями. На свои личные деньги он покупал мужикам семена, земледельческие орудия, хлопотал за них в тюрьмах, и на эти расходы потратил все, что имел. Для А. Слинько жизнь Тихона Задонского – пример сопряжения бескорыстия с духовным бесстрашием, «нравственной опрятности» (определение Г. Успенского). С кафедры воронежского собора Тихон Задонский безбоязненно произнес «Слово о хищении», которое актуально и для на-

шего времени. В этой проповеди в одном ряду были поставлены три категории людей: разбойники, властелины и продавцы [см.: 2, с. 11]. Может быть, поэтому сегодня многим выгодно, чтобы слово «интеллигенция» воспринималось как нечто устаревшее. Эту тенденцию новой эпохи метко подмечает публицист: «У нас чиновники говорят не «интеллигенция», а «бюджетники», не народ, а «электорат», не армия, а «силовые структуры», не журналистика, а «СМИ»... этот чиновничий язык навязывается и нам» [2, с. 12]. Все же для А. Слинько – это не главное. Он утверждает, что качество жизни в России зависит прежде всего от качества людей, в ней проживающих. Качество это определяется «интеллигентностью, воспитанностью чувств и мыслей, личной порядочностью». В связи с этим подчеркивается значимость филологии в обществе: «Филолог, работающий со словом, литературным текстом, обладает в сущности важнейшими рычагами воздействия в формировании и воспитании интеллигентности», людей данной профессии автор книги называет «скромными привратниками грандиозного храма» [2, с. 12].

История русской, в том числе советской, интеллигенции всегда была трудной и трагической. А. Слинько напоминает о драматических итогах сталинских репрессий, когда чудовищные по своим масштабам преследования и истребление интеллигенции во время революции и гражданской войны, второй половины 30-х гг., послевоенных лет привели к невозможным человеческим потерям. С сожалением констатирует публицист ухудшение нравственных качеств людей интеллектуального труда, которых приучали к страху, духовной зависимости от правящей бюрократии, единообразию мысли, губительному для науки и прогресса вообще. Автор книги приводит выразительную характеристику советского общества, данную одним из лучших русских интеллигентов (по мнению публициста) второй половины XX в. А. Сахаровым: «60-летняя история нашей страны полна ужасного насилия, чудовищных внутренних и международных преступлений, гибели, страданий, унижения и развращения миллионов людей. Но в ней были также, особенно первые десятилетия, большие надежды, трудовые и нравственные усилия, дух воодушевления и самопожертвования. Сейчас все это – безобразное и жестокое, трагическое и героическое – ушло под поверхность относительного материального благополучия и массового безразличия. Возникло кастовое, глубоко циничное и, как я считаю, опасно (для себя и всего человечества) больное общество, в котором правят два принципа: «блат» (сленговое словечко, означающее «ты мне – я тебе») и житейская

квазимудрость, выражающаяся словами «стену лбом не прошибешь». Но под этой застывшей поверхностью скрываются массовая жестокость, беззаконие, бесправие рядового гражданина перед властями и полная бесконтрольность властей – как по отношению к собственному народу, так и по отношению ко всему миру, что взаимосвязано» [4, с. 174–175]. Хотя слова эти были написаны более 30 лет назад, по мнению А. Слинько, в России мало что изменилось. Но есть единственное «бесспорное достижение: окончилась и, хотелось бы надеяться, навсегда, эпоха «великого страха» [2, с. 13]. С этим связаны устремления в будущее педагога: «Только в этих изменившихся условиях свободной дискуссии, свободного обмена мнениями может вырасти новое поколение активных, честных, самодостаточных людей, которому суждено сыграть решающую роль в исторической судьбе России и приостановить нарастание зловеющих симптомов деградации и распада» [2, с. 13].

Обращает на себя внимание близость программы научно-педагогической деятельности А. Слинько и Н. Михайловского. То, что писал о Михайловском сто лет назад В. Короленко, верно и по отношению к публицисту XX–XXI вв. Этот человек «умел схватить основной жизненный нерв интеллигенции, определить ее право на самостоятельную роль и великое ее значение в общественной жизни» [5, с. 52]. «Апостол истины и справедливости», – так называется очерк А. Слинько о выдающемся критике конца XIX – начала XX в. Н. Михайловском, в котором А. Слинько не отказывает себе в удовольствии процитировать ряд ключевых высказываний своего персонажа, общезначимых для интеллигенции. «Я люблю литературу, – писал Михайловский, – как единственный орган выражения русской мысли, достаточно громкий, чтобы его слышно было на севере и на юге, на востоке и западе, памятуя, какой свет литература вносила и вносит в нашу бедную, серую, ниже травы ползущую, тише воды текущую жизнь; болею сердцем, когда этот единственный орган русской мысли звучит хрипло и сдавленно, ненавижу ту струю в литературе, которая, по

глупой слепоте или по слепой злобе, самоубийственно замахивается на свободу печатного слова и кричит: «держи! лови! гони! бей!»; ненавижу и ту, другую струю, которая несет незнамо что, незнамо зачем, сегодня одно, завтра другое, и своим преступным легкомыслием или легкомысленной преступностью позорит священное знамя литературы; благоговею перед памятью тех, кто нес это знамя до конца, могу понимать все оттенки печали и злобы, надежд и разочарования, торжества и отчаяния, какие встречают люди, идущие по этому великому, но тернистому пути...» [2, с. 98]. И еще: «Всякий раз, как мне приходит в голову слово «правда», я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость и как бы сливаются в одно великое целое. Правда в этом огромном смысле слова всегда составляла цель моих исканий» [2, с. 99].

Как видим, диалог с корифеями русской общественной мысли, который вел в своей деятельности автор, имеет огромную историко-культурную ценность. Учение о цельной, всесторонне развитой, интеллигентной личности стоит в центре своеобразной и в то же время развивающейся в русле лучших демократических традиций философской антропологии А. Слинько.

ЛИТЕРАТУРА

1. Удодов Б. Т. Путь ученого / Б. Т. Удодов, В. А. Свительский // Анатолий Александрович Слинько : биобиблиографическое пособие. – Воронеж : ВГУ, 2003. – С. 5–24.
2. Слинько А. Литература и публицистика : очерки гуманистической мысли / А. Слинько. – Воронеж : ВГУ, 2001. – 175 с.+з3. Солженицын А. Малое собр. соч. : в 7 т. / А. Солженицын. – М. : ИНКОМ НВ, 1991. – Т. 5. – 432 с.
4. Сахаров А. Тревога и надежда / А. Сахаров. – М. : Интер-Версо, 1990. – С. 173–184.
5. Негретов П. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917–1921 / П. Негретов. – М. : Книга, 1990. – 288 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Слинько М. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: lokos1k@yandex.ru

Тел.: 8(473)224-28-72

Voronezh State Pedagogical University

Slinko M. A., Candidate of Philology (PhD), Associate Professor of the Chair of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature

E-mail: lokos1k@yandex.ru

Tel.: 8(473)224-28-72